

Регулятивная модель происхождения языка: подражание, формы поведения и семантизация

Алексей Алексеевич Неклюдов (Alexey A. Nekludoff)

AstraVerge Research

E-mail: an@astraverge.org

26 Декабря 2025

Abstract

В работе рассматривается системная ограниченность классических моделей языка — как репрезентационных, так и употребленческих, — которые описывают уже сформировавшиеся языковые практики взрослых носителей речи и опираются на письменные или рефлексивные формы языка. Опираясь на данные когнитивной психологии, исследований жестовых языков, онтогенеза, антропологии устных культур и нейролингвистики, предлагается альтернативная рамка: язык возникает прежде всего как **регулятивный механизм поведения**, направленный на минимизацию онтологической неопределённости и координацию действий.

Вместо понимания языка как репрезентации мира или набора правил его употребления предлагается аксиоматическая модель, согласно которой подражание, телесная синхронизация и формирование устойчивых форм поведения являются первичными механизмами, предшествующими семантике, грамматике и логической форме. Коммуникация и смысл трактуются как производные, поздние уровни стабилизации регулятивных процессов. Модель формулирует ряд теоретических следствий и эмпирических предсказаний, связывающих данные когнитивной науки, нейропсихологии и антропологии в единую онтологическую схему происхождения языка.

1 Введение

Философия языка XX века формировалась в рамках нескольких влиятельных теоретических линий, которые, несмотря на различие терминологии и методологических акцентов, разделяли одну ключевую установку: язык рассматривался преимущественно на уровне уже зрелых, культурно закреплённых практик. В центре анализа оказывались формы высказываний, нормы употребления, логические структуры или институционально стабилизированные способы коммуникации.

Репрезентационные подходы трактовали язык как систему, соотносящую выражения с миром или задающую пространство возможных описаний. Употребленческие и нормативные модели, напротив, смещали акцент на правила, практики и формы социального согласования. Однако при всех различиях обе перспективы сходились в одном: язык мыслился как уже сложившийся феномен, доступный анализу в рефлексивной, текстуальной или институциональной форме.

Такой фокус имел важное следствие. Доречевые, подражательные, телесные и моторные механизмы координации, наблюдаемые в онтогенезе, в устных культурах, в жестовых языках и в нейропсихологических данных, оказывались вне поля философского анализа. Язык изучался в своём завершённом состоянии, тогда как процессы, из которых он возникает, оставались концептуально неописанными.

В результате сформировался разрыв между обширным эмпирическим материалом — данными когнитивной психологии развития, антропологии устных культур, исследованиями глухонемых, нейролингвистикой и моторными теориями взаимодействия — и философскими моделями языка, продолжающими описывать его преимущественно в терминах репрезентации или правил употребления.

Настоящая работа направлена на преодоление этого разрыва. В ней предлагается рассматривать язык прежде всего как **регулятивный механизм поведения**, возникающий из процессов подражания, телесной синхронизации и минимизации онтологической неопределённости. Коммуникация, семантика, грамматика и логическая форма трактуются как производные, поздние уровни стабилизации более фундаментальных координационных процессов.

Целью работы является:

1. выявить методологические ограничения репрезентационных и употребленческих подходов;
2. предложить регулятивную и аксиоматически организованную рамку происхождения языка;
3. вывести структурные следствия и эмпирически наблюдаемые ожидания, связывающие данные когнитивной науки, нейропсихологии и антропологии в единую онтологическую схему.

2 Мотивация и постановка проблемы

Современные теории языка характеризуются выраженной методологической фрагментацией. Репрезентационные модели описывают язык как средство отражения мира, тогда как употребленческие — как систему нормативных социальных практик. При этом обе линии исходят из анализа языка в его зрелой, культурно стабилизированной форме, оставляя за пределами рассмотрения процессы его возникновения.

Между тем в когнитивных и нейролингвистических исследованиях накоплен значительный массив данных, указывающих на существование доречевых механизмов координации: подражания, телесной синхронизации, моторных паттернов совместного действия. Эти процессы обнаруживаются в раннем онтогенезе, в спонтанных жестовых системах, а также в условиях частичного или полного отсутствия речевых функций. Они указывают на наличие базовых регулятивных структур, предшествующих формированию семантики и грамматики.

Несмотря на их эмпирическую доступность, данные механизмы не получили систематического теоретического описания в рамках философии языка. Отсутствует концептуальная рамка, которая позволила бы связать доречевые формы координации с поздними символическими и дискурсивными структурами без редукции языка к репрезентации или норме.

Открытая проблема состоит в построении теоретической модели, способной:

- связать доречевые механизмы синхронизации и подражания с формированием словаря и языка;
- объяснить переход от регуляции поведения к семантическим и грамматическим структурам;
- описать язык в терминах онтологии регулятивных процессов, а не эпистемологии высказываний.

Настоящая работа предлагает решение этой проблемы в виде регулятивной модели языка, основанной на аксиоматическом описании процессов минимизации онтологической неопределённости и формирования устойчивых форм поведения.

3 Появление словаря

Классическая лингвистика неявно предполагает следующую последовательность возникновения языка:

алфавит → слова → язык → смысл.

В рамках регулятивной онтологии языка этот порядок является онтологически неверным. Корректная последовательность имеет вид:

словарь → алфавит → язык.

Здесь:

- словарь первичен по функции выживания и регуляции поведения;
- алфавит вторичен во времени, но первичен по онтологическому статусу как способ внешней фиксации различений;

- язык возникает как результат стабилизации и рекурсивного замыкания регулятивных структур.

3.1 Почему словарь возникает первым

Словарь возникает первым, поскольку именно он задаёт минимально достаточный репертуар различений, необходимый для регуляции поведения. В частности, словарь определяет:

- минимально необходимую мощность различений;
- набор операционально значимых объектов;
- формы реагирования, достаточные для:
 - выживания,
 - ориентации,
 - согласования действий,
 - различения *своего, чужого, опасного и полезного*.

Словарь не является перечнем слов как символов. Он возникает до языка и до символических систем как форма устойчивой регуляции различений.

3.2 Что такое словарь в регулятивной онтологии

В регулятивной онтологии словарь представляет собой уже структурированный уровень, включающий:

- **понятия** — устойчивые конфигурации различий;
- **операции** — допустимые действия над этими конфигурациями;
- **отношения** — структуры совместимости, конфликта и порождения;
- **формы поведения** — стабилизированные паттерны реагирования;
- **механизмы согласования** — способы приведения локальностей к совместимому действию;
- **элементы семантизации** — первичные соответствия между формой и ожиданием.

Таким образом, словарь является вторым уровнем организации: на нём уже возможны описание, сравнение и классификация, однако ещё отсутствуют алфавит и язык в строгом смысле.

3.3 Словарь задаёт мощьность языка, но не его онтологию

Словарь задаёт мощьность языка, но не его онтологию и не его генеративную схему. Он отвечает на вопрос:

«Что должно различаться, чтобы выжить?»

но не отвечает на вопрос:

«Из чего вообще возможны различия?»

В минимальном приближении словарь может быть представлен как список слов. Однако онтологически словарь не является перечнем символов или определений. Он представляет собой перечень устойчивых форм различения, каждая из которых закрепляет определённую регулятивную функцию в системе поведения и согласования. Смысл слова не предшествует словарю, а возникает как стабилизированное соответствие между формой и регулятивной функцией.

3.4 Словарь и контекст окружения

Словарь не существует вне контекста окружения. Он всегда коррелирует с теми различиями, которые оказываются критичными для выживания и координации. Именно поэтому в большинстве человеческих словарей присутствуют понятия, связанные с суточным циклом (например, «солнце»), тогда как степень детализации других областей (например, качества снега) радикально варьирует в зависимости от экологического и культурного контекста.

3.5 Словарь не задаёт правила формирования языка

Словарь служит для фиксации контекста различий, но не содержит правил формирования языка. Он не задаёт композиционность, иерархию или рекурсивные схемы построения высказываний. В дальнейшем эта структурная недоопределённость может приводить к формированию языков с различной степенью синтаксической жёсткости и контекстуальной зависимости.

3.6 Различие словарей как условие контекстной приспособленности

Различие словарей, а позднее и языков, является условием высокой контекстной приспособленности. Локальная специфика словаря повышает эффективность координации внутри сообщества и одновременно увеличивает стоимость включения внешних агентов. Барьерность в данном случае является не целевой функцией, а побочным эффектом оптимизации регулятивной структуры под конкретный контекст.

3.7 Появление перевода как оператора согласования

Появление перевода связано с необходимостью согласования различных словарей. Перевод в регулятивной онтологии не является переносом значений, а представляет собой оператор согласования, отображающий формы различий одного словаря в формы различий другого при сохранении регулятивной функции минимизации неопределённости.

Переход. От словаря к наблюдаемым следствиям Поскольку словарь в регулятивной модели понимается как устойчивая система различий и форм поведения, он не является чисто теоретической конструкцией. Напротив, словарь проявляется непосредственно в наблюдаемых паттернах координации, подражания и телесной синхронизации. Это позволяет формулировать эмпирические предсказания уже на уровне словаря, не прибегая к предположениям о грамматике, логической форме или текстуальных структурах. В этом смысле предсказания регулятивной модели фиксируют не поздние интерпретации языка, а его исходные регулятивные проявления.

4 Эмпирические предсказания регулятивной модели

Регулятивная модель языка допускает ряд эмпирически проверяемых предсказаний, отличающих её от репрезентационных и употребленческих подходов. Важной особенностью является то, что данные предсказания формулируются уже на уровне словаря и форм поведения, то есть до введения грамматических и логико-семантических структур.

Следующие положения формулируются не как проверяемые гипотезы в рамках конкретного экспериментального дизайна, а как наблюдаемые следствия регулятивной структуры.

Каждое из приведённых предсказаний непосредственно вытекает из описания Словаря и его назначения и может служить основой для когнитивных, нейропсихологических и антропологических исследований.

Предсказание 1. (Первичность подражательных и моторных форм) В раннем онтогенезе устойчивые подражательные и моторные паттерны должны предшествовать появлению стабильных семантических соответствий. Жестовые цепочки, ритмическая синхронизация и имитационные формы поведения должны наблюдаться до появления слов и категорий.

Предсказание 2. (Спонтанное формирование языков при наличии устойчивого подражания) В сообществах с устойчивыми механизмами подражания и синхронизации должна спонтанно формироваться система регулятивных форм поведения, которая затем семантизируется и стабилизируется как язык. Это предсказание обобщает случаи спонтанного возникновения жестовых языков, включая Никарагуанский жестовый язык.

Предсказание 3. (Сохранность мышления при разрушении языковых структур) Поскольку семантика и грамматика являются производными уровнями, разрушение речевых механизмов не должно автоматически приводить к утрате сложного мышления. Планирование,

причинное рассуждение и целенаправленное поведение должны сохраняться при тяжёлых формах афазии.

Предсказание 4. (Зависимость языкового развития от способности к подражанию)

Индивидуальные различия в способности к подражанию и синхронизации должны коррелировать со скоростью и качеством языкового развития. Более развитые подражательные навыки должны предсказывать ускоренное формирование словаря и семантических структур.

Предсказание 5. (Моторная координация как предиктор грамматической организации)

До формирования устойчивых грамматических правил должна наблюдаться выраженная моторная и телесная синхронизация (движения рук, головы, ритмические жесты), выступающая в качестве структурирующего фактора для последующей грамматикализации.

Предсказание 6. (Сенсомоторное участие в обработке абстрактной речи)

Даже при обработке абстрактных лингвистических конструкций должны наблюдаться сенсомоторные компоненты активности. Модель предсказывает выявление устойчивых моторных паттернов в данных МEG и EEG при работе с абстрактной лексикой и метафорами.

Предсказание 7. (Регулятивная деградация при нарушении синхронизации)

Нарушения механизмов подражания и синхронизации должны приводить к выраженным языковым дефицитам даже при сохранности общего когнитивного потенциала. В частности, модель предсказывает корреляцию между нарушениями телесной координации и трудностями освоения языковых структур.

Переход. От эмпирических предсказаний к аксиоматическому основанию Сформулированные предсказания фиксируют устойчивые и воспроизводимые закономерности, наблюдаемые на уровне форм поведения, подражания и координации. Однако сами по себе эти закономерности не объясняют причин их устойчивости и универсальности. Для этого требуется более глубокий уровень описания, задающий онтологические основания регулятивных процессов. В следующем разделе такие основания формулируются в виде аксиом, которые не выводятся из эмпирических данных, но делают наблюдаемые предсказания необходимыми следствиями структуры регуляции языка.

5 Алфавит как поздняя, но онтологически фундаментальная структура

Для понимания того, почему именно такие регулятивные формы поддаются стабилизации и экстернализации, необходимо ввести онтологический уровень алфавита.

5.1 Временная и онтологическая асимметрия

Алфавит характеризуется принципиальной асимметрией между временем возникновения и онтологическим статусом. С одной стороны, он появляется позже во времени. С другой

— именно он задаёт онтологическое основание всего будущего языка.

Это различие принципиально:

- словарь является функционально первичным, поскольку обеспечивает регуляцию поведения и выживание;
- алфавит является онтологически первичным, поскольку задаёт условия возможности внешней фиксации и структурирования различий.

Алфавит не описывает мир. Он задаёт условия возможности описания. Алфавит не существует как эксплицитная система до момента внешней фиксации языка, однако он возникает как необходимая реконструкция при переходе от регулятивной вокальности к устойчивой внешней записи. В этом смысле алфавит появляется как онтологически необходимый слой в процессе экстернализации языка.

5.2 Онтологический (не буквенный) алфавит

Речь идёт не о письменности и не о фонемах. Онтологический алфавит не является системой букв или символов в традиционном смысле.

Это алфавит регулятивной онтологии языка — минимальный набор различимых примитивов, из которых вообще может быть собран язык как система регуляции, а не как репрезентация.

А. Элементы (онтологические примитивы)

- **Различимость** — минимальная способность выделить «не то же самое»;
- **Согласуемость** — возможность быть приведённым в совместимое состояние с другими;
- **Инвариант** — то, что сохраняется при трансформациях форм;
- **Неопределённость** — расхождение между текущей конфигурацией и горизонтом ожиданий.

В. Операции (регулятивные действия)

- **Подражание** — операция копирования структуры, а не сигнала;
- **Синхронизация** — операция согласования состояний локальностей;
- **Стабилизация** — операция выделения и удержания инварианта;
- **Отображение** — операция семантизации, то есть сопоставления формы и ожидания.

С. Отношения (структурные связи)

- **Эквивалентность форм** — различные формы, выполняющие одну регулятивную функцию;
- **Совместимость локальностей** — возможность координации без разрушения;
- **Направленность согласования** — асимметрия влияния и подстройки;
- **Порождение новых форм** — возникновение структур, отсутствовавших ранее.

Алфавит регулятивной онтологии языка представляет собой минимальный набор элементов, операций и отношений, из которых могут быть построены:

- словари,
- формы поведения,
- семантические структуры,
- языки,

независимо от конкретной культуры, модальности или носителя.

В этом смысле словарь отвечает на вопрос:

«Что различать?»

тогда как алфавит отвечает на вопрос:

«Как различие вообще возможно?»

6 Язык предшествует логике и не опирается на неё

История показывает: язык на тысячелетия старше письменности, а письменность — старше формальной логики. Формальная логика требует устойчивых письменных символов [9, 4], и поэтому не может быть первичной основой смысловой структуры языка.

Антропологические исследования устных культур демонстрируют, что сложная семантика и координация действий возможны без формальной логики [2]. Следовательно, репрезентационная модель ограничена: логическая форма является продуктом письма, а не природным основанием языка.

7 Устная координация возможна без правил и письменности

7.1 Данные развития детей

Доречевые дети демонстрируют:

- понимание причинности [1],
- постоянство объекта [11],
- базовые классификационные структуры [8],
- простейшую логическую организацию опыта.

Это показывает, что когнитивные структуры формируются *раньше* языка.

7.2 Согласование опыта в устных культурах

Антропологические данные [2] подтверждают, что люди в неграмотных культурах:

- договариваются о значениях,
- согласуют действия,
- передают модели мира,

не имея формальной логики или письменных систем.

Это указывает, что смысл предшествует правилам употребления: употребление является лишь поздней стабилизацией.

8 Мыслительные процессы независимы от языка

8.1 Нейропсихология

Данные исследований афазий (Лурия): мыслительные и планировочные способности сохраняются даже при тяжёлых нарушениях речи.

8.2 Нейролингвистика

Модель двойного контура речи [6, 7] показывает:

- сенсомоторный контур (подражание, воспроизведение) появляется первым;
- смысловой контур развивается позже.

8.3 Животные и до-языковое мышление

Работы Хаузера [5] и Томаселло [13, 12] демонстрируют: причинность, социальное обучение и принятие решений возможны без языка.

9 Происхождение языка: первичность подражания

Ряд исследований показывает: язык возникает через подражание, а не через смысл.

9.1 Жесты и детская речь

Голдин-Мидоу [3] показала:

- дети сначала используют жесты,
- жесты структурируют последующую речь,
- подражание является ведущим механизмом развития языка.

9.2 Никарагуанский жестовый язык

Работы Сенгхас и Кегл [10] демонстрируют:

- глухонемые дети создают новый язык «с нуля»,
- сначала возникает синхронизация жестов,
- затем — грамматика.

Это прямое эмпирическое свидетельство:

подражание → форма → смысл → правила.

10 Основные определения

Для формализации регулятивного подхода вводятся следующие определения, фиксирующие минимальные онтологические и функциональные элементы модели.

Определение 1. (Локальность) Локальностью называется минимальная устойчивая конфигурация когнитивных, поведенческих или биологических процессов, способная к согласованию с другими локальностями.¹

Определение 2. (Онтологическая неопределённость) Онтологическая неопределённость — это степень расхождения между текущей конфигурацией локальности и горизонтом её

¹Термин используется в расширенном смысле, развитом в рамках онтологической модели метаструктур согласования [14].

ожиданий или возможных состояний. Минимизация онтологической неопределённости рассматривается как базовый механизм устойчивого поведения и координации.

Определение 3. (Словарь) Словарём называется устойчивая регулятивная структура различий, включающая формы поведения, операции и отношения, необходимые для ориентации, координации и выживания локальностей. Словарь не является перечнем символов или значений, а представляет собой систему стабилизированных различий, каждая из которых закрепляет определённую регулятивную функцию.

Определение 4. (Алфавит) Алфавитом называется минимальный онтологический набор элементов, операций и отношений, реконструируемый при экстернализации языка и задающий условия возможности внешней фиксации и структурирования словаря. Алфавит не является буквенной или фонемной системой и не предшествует словарю во времени, но является онтологически первичным по отношению к языковым структурам.

Определение 5. (Подражание) Подражание — первичный регулятивный механизм воспроизведения форм поведения, посредством которого локальности синхронизируют действия и формируют устойчивые образцы взаимодействия.

Определение 6. (Форма поведения) Формой поведения называется стабилизированная структура действий, возникающая в результате повторяющейся синхронизации локальностей и служащая основой для последующей семантизации.

Определение 7. (Регулятивный механизм языка) Язык рассматривается как регулятивный механизм координации локальностей, направленный на минимизацию онтологической неопределённости посредством формирования, передачи и стабилизации форм поведения на основе словаря и его алфавитной экстернализации.

Определение 8. (Семантизация) Семантизация — это процесс сопоставления устойчивых форм поведения со структурой ожиданий локальностей, в результате которого формируются устойчивые смысловые соответствия как производный уровень регуляции.

Определение 9. (Правила употребления) Правила употребления — это устойчивые социально разделяемые регулятивные структуры, возникающие как поздняя стабилизация семантизированных форм поведения и не являющиеся исходным основанием языка.

11 Аксиоматическая основа регулятивной модели языка

Настоящая аксиоматизация носит эвристический и структурирующий характер и не претендует на формальную завершённость в смысле математической теории.

Регулятивная модель языка основывается на следующих аксиомах, задающих минимальное онтологическое основание возникновения и функционирования языковых структур.

A1. (Аксиома минимизации онтологической неопределённости) Локальности стремятся минимизировать онтологическую неопределённость путём согласования поведения с внутренними и внешними условиями. Минимизация неопределённости является базовым механизмом устойчивого взаимодействия и координации.

A2. (Аксиома первичности подражания и синхронизации) Подражание и телесная синхронизация являются первичными регулятивными механизмами, посредством которых локальности воспроизводят и согласуют формы поведения. Эти механизмы предшествуют семантическим, грамматическим и символическим структурам.

A3. (Аксиома формирования форм поведения) Повторяющиеся акты подражания и синхронизации приводят к формированию устойчивых форм поведения, способных воспроизводиться и передаваться независимо от исходных контекстов.

A4. (Аксиома семантизации) Семантика возникает как отображение устойчивых форм поведения в структуру ожиданий локальностей. Смысл не является первичным, а формируется как производный уровень стабилизации регулятивных форм.

A5. (Аксиома вторичности правил и нерепрезентативности языка) Правила употребления и репрезентативные интерпретации языка возникают как поздняя стабилизация семантизированных форм поведения. Язык не является первично репрезентацией мира; его исходная функция носит регулятивный характер и направлена на координацию действий и снижение неопределённости.

12 Следствия регулятивной модели

Из аксиом А1–А5 следуют ключевые теоретические следствия, описывающие структуру возникновения и функционирования языка. Эти следствия формулируются в виде следующих теорем.

Теорема 1. (Непервичность логической формы и употребления) Из А1, А4 и А5 следует, что логическая форма и правила употребления не могут быть первичным основанием языка. Они возникают как поздние уровни стабилизации семантизированных форм поведения. Следовательно, репрезентационные и употребленческие модели не описывают исходные механизмы возникновения языка.

Доказательство (эскиз). По А5 правила употребления являются производными структурами; по А4 семантика возникает после формирования устойчивых форм поведения (А3), которые, в свою очередь, формируются на основе подражания и синхронизации (А2). Логическая форма предполагает наличие устойчивых правил и потому не может быть первичной.

Теорема 2. (Вторичность смысла и неполнота чисто семантических теорий) Из А2–А4 следует, что смысл возникает только как отображение устойчивых форм поведения в структуру ожиданий. Поэтому семантика не может быть исходным уровнем анализа, а любая теория языка, игнорирующая поведенческое происхождение форм, является неполной.

Доказательство (эскиз). По А3 формы поведения предшествуют семантике; по А4 семантика является функцией формы. Следовательно, смысл вторичен по отношению к регулятивным структурам поведения.

Теорема 3. (Первичность подражания и неизбежность возникновения языка) Из А2 и А3 следует, что подражание и синхронизация являются минимальными условиями

возникновения форм поведения, а следовательно, и языка. В любом сообществе с устойчивой подражательной активностью неизбежно формируется система регулятивных форм, которые затем семантизируются и стабилизируются как язык.

Теорема 4. (Язык как механизм минимизации неопределённости) Из А1–А3 следует, что язык выполняет первичную регулятивную функцию стабилизации поведения и координации действий. Следовательно, язык должен трактоваться прежде всего как механизм минимизации онтологической неопределённости, а не как репрезентация мира или совокупность социальных правил.

Теорема 5. (Независимость мышления от языковых структур) Из А1 и А3 следует, что когнитивные структуры и формы целенаправленного поведения могут сохранять устойчивость при отсутствии или разрушении семантических и грамматических структур. Это согласуется с нейропсихологическими данными о сохранности мышления при афазиях.

13 Диаграмма уровней возникновения языка

На рисунке 1 представлена иерархическая схема, отражающая последовательные уровни формирования языка в соответствии с регулятивной моделью. Диаграмма иллюстрирует переход от первичных механизмов подражания к стабилизированным семантическим структурам и далее — к правилам употребления, логической форме и письменности как поздним культурным надстройкам.

14 Язык как регулятивный механизм

Исходя из совокупности биологических, когнитивных и антропологических данных, язык может быть определён не как репрезентативная система или совокупность правил употребления, а как регулятивный механизм поведения.

Язык — это механизм регуляции поведения, направленный на минимизацию неопределённости, повышение устойчивости и согласование действий между локальностями.

Коммуникация и смысл в данной рамке не являются первичными. Они возникают как производные функции, формирующиеся на базе более фундаментальных регулятивных процессов. В дальнейшем происхождение языка и его регулятивная функция рассматриваются через призму канонического выживания в онтологическом смысле.

На этом этапе можно показать, почему классические эпистемические модели принципиально не способны реконструировать описанную структуру.

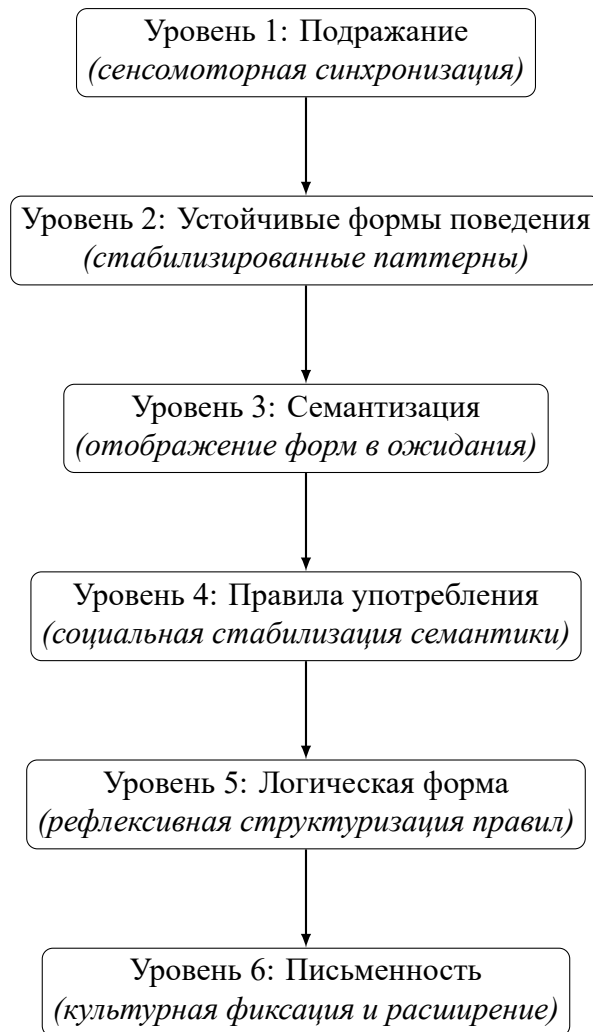

Figure 1: Иерархия уровней возникновения языка в регулятивной модели.

15 Ограниченность эпистемического взгляда на язык

Философия языка XX века в значительной степени формировалась в рамках эпистемического подхода, в котором язык рассматривался преимущественно как объект анализа уже сформировавшихся, рефлексивных и социально стабилизированных практик. В рамках такого подхода язык описывается через призму значений, правил употребления, логической формы или текстуальной структуры.

Данный взгляд обладает существенным методологическим ограничением: он ретроспективно проецирует современные аналитические инструменты на доисторические и дорефлексивные формы человеческого взаимодействия. В результате язык первобытных и ранних человеческих сообществ интерпретируется так, как если бы он изначально обладал свойствами, характерными для зрелых письменных и дискурсивных практик.

Подобная ретроспекция приводит к тому, что язык трактуется как изначально эпистемический объект — носитель значений или правил, — тогда как его регулятивные и поведенческие основания остаются вне поля анализа.

15.1 Текстцентричная ретроспекция и её ограничения

Эмпирические реалии человеческого развития — доречевая коммуникация детей, жестовые языки, формы взаимодействия глухонемых, телесная синхронизация и подражание — существовали всегда и были доступны наблюдению в любой исторической эпохе. Тем не менее философская и лингвистическая традиция длительное время рассматривала язык преимущественно через призму письменного текста и зрелой речевой практики взрослых носителей.

В результате фундаментальные регулятивные механизмы, действующие вне текстцентричной и дискурсивной среды, не были интерпретированы как ключевые для понимания происхождения языка. Они оказывались либо маргинализированными, либо трактовались как вторичные по отношению к семантике, грамматике или логической форме.

Причина этого заключалась не в отсутствии эмпирических данных, а в отсутствии онтологической рамки, способной включить доречевое поведение, подражание, телесную синхронизацию и формирование устойчивых форм взаимодействия в качестве первичных языкообразующих процессов. Язык изучался в его завершённом, культурно стабилизированном виде, тогда как исходные механизмы его становления — непосредственные, повседневные и телесные формы согласования — оставались вне философского рассмотрения.

15.2 Регулятивная альтернатива эпистемическому подходу

Регулятивная модель языка преодолевает данное ограничение, рассматривая язык не как систему значений или правил употребления, а как фундаментальный механизм согласования поведения, направленный на минимизацию неопределённости и стабилизацию совместных действий. В этой рамке семантика, грамматика, логическая форма и письменность трактуются как поздние уровни экстернализации и рефлексивной фиксации регулятивных процессов.

Таким образом, язык помещается в контекст биологических, когнитивных и поведенческих механизмов, из которых языковые структуры возникают. Это позволяет связать доязыковые формы координации с поздними символическими и дискурсивными практиками в рамках единой онтологической схемы, избегая ретроспективного навязывания современных эпистемических категорий ранним формам человеческого взаимодействия.

15.3 Необходимость и ошибочность эпистемической ретроспекции

Эпистемическая ретроспекция является методологически неизбежной. Любая попытка теоретического описания происхождения языка осуществляется средствами уже сформировавшегося языка, обладающего семантическими, грамматическими и рефлексивными структурами. В этом смысле исследователь не может полностью выйти за пределы тех эпистемических инструментов, которыми он располагает.

Однако неизбежность эпистемической ретроспекции не делает её онтологически корректной.

Применение понятий значения, правила, высказывания или логической формы к ранним и дорефлексивным формам человеческого взаимодействия приводит к категориальной ошибке: регулятивные процессы координации интерпретируются так, как если бы они изначально являлись эпистемическими объектами.

Данная ошибка носит систематический характер. Современные аналитические категории не просто описывают прошлые формы языка, но неявно реконструируют их по образцу зрелых текстоцентричных практик. В результате происхождение языка объясняется в терминах его поздних состояний, а не в терминах механизмов, из которых эти состояния возникают.

Регулятивный подход принимает неизбежность ретроспективного описания, но вводит онтологическое различие между средствами описания и объектом анализа. Он рассматривает эпистемические структуры как производные и поздние, а исходные формы языка — как регулятивные механизмы согласования поведения, предшествующие семантике, грамматике и логической форме.

16 Некоторые следствия Регулятивной модели происхождения языка

Ниже приведены несколько следствий, непосредственно вытекающих из регулятивной онтологии языка и иллюстрирующих границы применимости эпистемических и информационных моделей.

16.1 Онтологические последствия несовпадения алфавитов

Классические теории шифрования и декодирования строятся в рамках эпистемического предположения о совпадении алфавита между отправителем и получателем. Независимо от используемых криптографических примитивов предполагается, что обе стороны оперируют одной и той же системой различимых элементов, операций и отношений, а различие между ними носит исключительно информационный характер и может быть устранено посредством ключа.

В рамках регулятивной онтологии языка данное предположение является принципиально ограниченным. Алфавит понимается не как набор символов, а как онтологическое основание возможности различения, экстернализации и стабилизации словаря. Несовпадение алфавитов означает не потерю информации и не отсутствие ключа, а отсутствие общих условий возможности интерпретации.

При онтологическом несовпадении алфавитов:

- отсутствует общее пространство различимых элементов;
- не определены операции сопоставления и эквивалентности;

- невозможна реконструкция словаря как регулятивной структуры.

В таких условиях любые эпистемические процедуры — декодирование, интерпретация, извлечение смысла — оказываются неприменимыми. Шифрование перестаёт быть обратной операцией, поскольку отсутствует общий онтологический уровень, на котором могла бы быть определена обратимость.

Следовательно, криптографические модели корректны лишь в пределах одной и той же алфавитной онтологии. Они не применимы к ситуациям, в которых алфавиты различаются онтологически, а не параметрически. В этом случае различие между системами не может быть устранено посредством передачи информации, ключей или сигналов.

Данное следствие имеет фундаментальные последствия. Оно показывает, что теории шифрования, коммуникации и передачи информации работают исключительно в рамках заранее разделяемой онтологической структуры различений. При её отсутствии коммуникация не является «зашифрованной», а становится онтологически недоступной.

Таким образом, предел применимости эпистемических теорий шифрования определяется не вычислительной сложностью и не объёмом информации, а совпадением или несовпадением онтологических алфавитов, лежащих в основании словаря и языка.

16.2 Онтологические последствия несовпадения словарей

Несовпадение словарей имеет более фундаментальные онтологические последствия, чем несовпадение алфавитов. Если алфавит задаёт условия экстернализации различений, то словарь задаёт сами различия как регулятивно значимые формы поведения. Несовпадение словарей означает отсутствие общего пространства регулятивных различений, а не просто расхождение в интерпретации символов или сигналов.

В эпистемических моделях коммуникации предполагается, что различие между системами сводимо к неполному знанию, шуму или отсутствию ключа. При этом молчаливо допускается, что стороны уже разделяют один и тот же словарь — то есть согласованный набор значимых различений, форм поведения и ожиданий. В рамках регулятивной онтологии языка это допущение является принципиально необоснованным.

При онтологическом несовпадении словарей:

- отсутствует общий набор регулятивно значимых различений;
- формы поведения не стабилизируются как эквивалентные;
- ожидания не сопоставимы и не поддаются согласованию;
- минимизация неопределённости осуществляется в несоизмеримых пространствах.

В таких условиях не существует операции перевода, декодирования или интерпретации в эпистемическом смысле. Различие между системами не является скрытым или зашифрованным;

оно является онтологическим. Передача сигналов, символов или структур не приводит к возникновению понимания, поскольку отсутствует общее регулятивное основание, на котором такие структуры могли бы быть осмыслены.

Следовательно, несовпадение словарей разрушает саму возможность коммуникации как регулятивного процесса. Коммуникация не может быть восстановлена посредством увеличения объёма данных, уточнения кодов или усложнения интерпретационных процедур. Там, где отсутствует общий словарь, отсутствует и пространство, в котором могла бы быть определена ошибка, непонимание или искажение.

Данное следствие указывает на фундаментальный предел эпистемических теорий языка, коммуникации и информации. Эти теории предполагают уже существующую согласованность словаря и потому неприменимы к ситуациям, в которых регулятивные структуры различий формируются независимо и остаются онтологически несоизмеримыми.

Таким образом, словарь выступает не как слой поверх языка, а как его онтологическое основание. Несовпадение словарей означает не потерю смысла, а отсутствие условий возможности смысла как такового.

16.3 Пределы перевода и границы теории информации

В рамках регулятивной онтологии языка перевод возможен лишь при частичном пересечении словарей. Перевод не является операцией переноса значений, кодов или сообщений; он представляет собой процедуру согласования регулятивных различий, форм поведения и ожиданий. Там, где такое пересечение отсутствует, перевод оказывается онтологически неопределённым.

Несовпадение словарей задаёт фундаментальный предел перевода. В этом случае не существует корректного отображения между формами, поскольку отсутствует общее пространство регулятивной значимости. Различие между системами не может быть устранено посредством уточнения кодов, увеличения объёма данных или усложнения интерпретационных схем. Перевод перестаёт быть плохо решаемой задачей и становится онтологически некорректной.

Данный предел непосредственно затрагивает классическую теорию информации. Теория Шеннона корректно описывает передачу сигналов при фиксированном алфавите и заранее заданном пространстве сообщений. Однако она принципиально абстрагируется от словаря как регулятивного основания различий. Информация в шенноновском смысле предполагает, что то, *что* различается, уже определено.

Следовательно, теория информации применима лишь в условиях разделяемого словаря и алфавита. За пределами этих условий понятия передачи, потери или искажения информации теряют онтологическую определённость. Здесь речь идёт не о шуме и не о недостатке канала, а об отсутствии общего основания, на котором могла бы быть определена сама информация.

Таким образом, пределы перевода совпадают с пределами применимости эпистемических

теорий коммуникации. Там, где отсутствует пересечение словарей, не существует ни перевода, ни информации в строгом смысле, а только онтологическая несоизмеримость регулятивных структур.

16.4 Принципиальная ограниченность программ SETI

Классические программы поиска внеземного разума (SETI) основаны на предположении, что наличие языка или разума проявляется в обнаружимых сигналах, обладающих структурной, статистической или кодовой сложностью. В рамках регулятивной модели языка это предположение является онтологически некорректным.

Язык не является первично системой сигналов, кодов или сообщений. Он представляет собой регулятивный механизм согласования поведения внутри локальностей, направленный на минимизацию неопределённости и стабилизацию совместных действий. Такие механизмы не обязаны порождать внешне различимые сигналы, тем более сигналы, интерпретируемые как носители информации в человеческом смысле.

Даже при наличии высокоразвитых форм разума и координации внеземные системы могут не обладать:

- внешней экстернализацией регулятивных структур,
- символическими или радиочастотными носителями,
- разделением между регуляцией и средой, характерным для человеческой коммуникации.

Следовательно, отсутствие обнаружимых сигналов не может рассматриваться как отсутствие разума или языка. Программы SETI онтологически ограничены тем, что ищут следы текстоцентричных и сигнал-ориентированных форм коммуникации, тогда как регулятивные структуры могут существовать полностью вне доступных каналов наблюдения.

В этом смысле проблема SETI заключается не в технической чувствительности инструментов, а в неверной онтологической модели языка и разума.

16.5 Структурное ограничение языковых моделей

Современные языковые модели, включая большие языковые модели (LLM), демонстрируют высокую способность к воспроизведению и генерации текстовых структур. Однако в рамках регулятивной модели языка эта способность не тождественна освоению языка в онтологическом смысле.

LLM обучаются на корпусах текстов, которые являются продуктом уже сформировавшихся словарей, алфавитов и языковых практик. Таким образом, модели имеют доступ лишь к следам регулятивных структур, но не к самим механизмам их возникновения. Текст не содержит информации о регулятивной функции различений, формах поведения и механизмах согласования, лежащих в основании словаря.

В результате LLM способны:

- аппроксимировать распределения форм,
- воспроизводить устойчивые паттерны употребления,
- имитировать согласованные текстовые структуры,

но не способны:

- сформировать словарь как систему регулятивных различий,
- реконструировать алфавит как онтологическое основание языка,
- минимизировать онтологическую неопределённость через собственную регуляцию поведения.

Следовательно, языковые модели не осваивают язык, а эксплуатируют его вторичные экстернализации. Их успешность не опровергает регулятивную модель языка, а, напротив, подтверждает различие между текстовой аппроксимацией и онтологическим языковым основанием.

16.6 Границы наблюдаемого языка

Рассмотренные следствия указывают на фундаментальное ограничение большинства современных подходов к языку и разуму, связанное с неявным смещением регулятивных структур и их внешних проявлений. Язык становится наблюдаемым лишь на этапе своей экстернализации — в виде сигналов, текстов, символических систем или устойчивых коммуникативных паттернов. Однако эти формы представляют собой вторичные следы регулятивных процессов, а не их онтологическое основание.

Регулятивные механизмы согласования, минимизации неопределённости и стабилизации форм поведения могут существовать без внешне фиксируемых языковых структур и не обязаны порождать наблюдаемые сигналы, интерпретируемые как сообщения или коды. В этом смысле язык, понимаемый как регулятивная структура, принципиально превышает границы того, что доступно наблюдению через текстоцентричные, сигнал-ориентированные или статистические методы.

Следовательно, отсутствие обнаружимых языковых проявлений — будь то в данных SETI или в корпусах текстов, используемых для обучения языковых моделей, — не является свидетельством отсутствия языка или разума. Оно лишь указывает на пределы применимости наблюдательных и эпистемических инструментов, не учитывающих регулятивную природу языковых структур.

Границы наблюдаемого языка, таким образом, совпадают с границами его экстернализации. За этими границами остаются регулятивные процессы, которые могут быть реконструированы онтологически, но не выведены непосредственно из сигналов, текстов или статистических корреляций.

Сводное следствие. Рассмотренные ограничения образуют единую онтологическую цепочку. Словарь задаёт пространство регулятивно значимых различий; при его несовпадении исчезают условия возможности понимания. Перевод возможен лишь как частичное согласование словарей и становится онтологически неопределённым при их расхождении. Алфавит определяет условия экстернализации этих различий, но не может компенсировать отсутствие общего словаря. В этом смысле программы SETI ориентированы на поиск сигналов без гарантий разделяемого словаря, а современные языковые модели работают с текстовыми следами уже стабилизированных словарей, не имея доступа к регулятивным основаниям их формирования. Во всех этих случаях эпистемические процедуры передачи, интерпретации и обучения оказываются ограниченными пределами онтологии регулятивных структур.

17 Ограничения

Представленная модель описывает язык на уровне регулятивных и функциональных зависимостей и не претендует на исчерпывающее объяснение всех его аспектов.

Во-первых, аксиоматическая схема не включает детализированного нейрофизиологического описания механизмов, лежащих в основе подражания, синхронизации и семантизации. Соответствующие нейробиологические корреляты рассматриваются как предмет дальнейших исследований.

Во-вторых, модель сознательно абстрагируется от диахронических, типологических и социолингвистических различий, фокусируясь на минимальных регулятивных условиях возникновения и стабилизации языка.

Наконец, эмпирическая проверка ряда следствий модели требует специализированных и длительных исследований, что выходит за рамки текущей теоретической работы.

18 Развитие

Дальнейшее развитие регулятивной модели языка предполагает несколько взаимосвязанных направлений, часть из которых уже имеет предварительные концептуальные и эмпирические ориентиры.

Во-первых, представляет интерес разработка формальных и вычислительных моделей, симулирующих переход от подражательных паттернов к устойчивым формам поведения и далее — к семантическим структурам. Такие модели могут быть реализованы в рамках агентных систем, подходов предиктивного кодирования или стохастических процессов согласования. Их цель состоит не в воспроизведении конкретных языков, а в выявлении минимальных условий стабилизации регулятивных форм.

Во-вторых, перспективным направлением является расширенная нейролингвистическая программа, ориентированная на исследование временной динамики взаимодействия сенсомоторных

и семантических контуров. Особый интерес представляют методы с высокой временной разрешающей способностью (MEG, высокоточное EEG), позволяющие выявлять ранние моторные и синхронизационные компоненты обработки языковых стимулов до включения семантических уровней.

В-третьих, регулятивная модель может быть применена к анализу спонтанного возникновения языков в сообществах глухонемых, а также к изучению коммуникации в условиях минимального семантического ресурса. Такие случаи позволяют рассматривать подражание и синхронизацию в относительно «чистом» виде и уточнять границы универсальности предложенной схемы.

В-четвёртых, дальнейшая интеграция регулятивной модели с онтологическими и когнитивными рамками — в частности с теориями минимизации неопределённости, энактивистскими подходами и моделями нелинейной динамики поведения — позволяет рассматривать язык как частный случай более общей организации когнитивных локальностей.

Наконец, эмпирическая проверка отдельных следствий модели возможна в исследованиях детского развития, афазий и нейрокогнитивных нарушений. Эти данные способны уточнить взаимосвязь между подражанием, формами поведения и процессами семантической стабилизации, не сводя модель к конкретным нейрофизиологическим механизмам.

19 Заключение

В работе предложена регулятивная модель языка, рассматривающая язык как механизм согласования поведения и минимизации онтологической неопределённости. Показано, что словарь и алфавит образуют доязыковые основания языковых структур, а семантика и правила употребления являются производными уровнями стабилизации. Такая рамка позволяет формулировать эмпирические следствия, не редуцируя язык к тексту, сигналу или репрезентации. Ограничения наблюдаемости языка выявляют границы применимости эпистемических и статистических подходов, включая современные методы анализа сигналов и текстов. Тем самым язык фиксируется как онтологически регулятивный феномен, превосходящий свои внешние проявления.

References

- [1] Renee Baillargeon. “Object permanence in infants”. In: *Developmental Psychology* (1987).
- [2] Merlin Donald. *Origins of the Modern Mind*. 1991.
- [3] Susan Goldin-Meadow. *The Resilience of Language*. 2003.
- [4] Jack Goody. *The Domestication of the Savage Mind*. 1977.
- [5] Marc Hauser. *The Cognitive Foundations of Language*. 2002.

- [6] Gregory Hickok and David Poeppel. “Dorsal and ventral streams: A framework for language”. In: *Cognition* (2004).
- [7] Gregory Hickok and David Poeppel. “The cortical organization of speech processing”. In: *Nature Reviews Neuroscience* (2007).
- [8] Jean Mandler. *The Foundations of Mind*. 2004.
- [9] Walter Ong. *Orality and Literacy*. 1982.
- [10] Ann Senghas and Judy Kegl. “Nicaraguan Sign Language: A test case for the emergence of grammar”. In: *Annual Review of Anthropology* (1994).
- [11] Elizabeth Spelke. “Initial knowledge: Core domains in cognition”. In: *Cognition* (1994).
- [12] Michael Tomasello. *A Natural History of Human Thinking*. 2014.
- [13] Michael Tomasello. *Origins of Human Communication*. 2008.
- [14] Алексей Алексеевич Неклюдов. “Философия Дискретного Бытия. Манифест”. In: (2025). DOI: [10.5281/zenodo.17572909](https://doi.org/10.5281/zenodo.17572909). URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.17572909>.